

СПЕЦНАЗ

Сергей
САМАРОВ

ЗАЧЕРКНУТОМУ ВЕРИТЬ

МОСКВА

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С17

Использованы элементы иллюстраций
художника *И. Варавина* на обложках следующих книг:

Спецназ ГРУ. «Двенадцать раундов войны»;
Спецназ ГРУ. «Умный выстрел».

Самаров, Сергей Васильевич.

С17 Зачеркнутому верить / Сергей Самаров. —
Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Спецназ ГРУ).

ISBN 978-5-04-090697-0

Череда роковых событий преследует капитана спецназа ГРУ Максима Онучина. Вертолет, на котором он летел в Моздок, расстреляли свои; на фуру, подобравшую Максима после приземления, напали бандиты, переодетые в полицейскую форму; местный спецназ пытался штурмом взять военный городок, где находился капитан. Только благодаря хорошей боевой подготовке Максиму удалось выйти живым из этих переделок. Он теряется в догадках: кто же приказал его ликвидировать? Неужели тот, кто остался недоволен последней операцией капитана? Если так, то против Онучина действует очень серьезный враг, у которого достаточно сил и средств завершить начатое...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Самаров С., 2018

© Оформление. ООО

ISBN 978-5-04-090697-0

«Издательство «Эксмо», 2018

ПРОЛОГ

Вертолета ФСБ долго ждать не пришлось. Я едва успел передать командиру автороты капитану Полуэктову свой «Мустанг» вместе с документами. Полуэктков человек по своей природе дотошный, хотя передача планировалась и без акта, он, как говорится, на всякий пожарный, составил акт, дал полное описание машины, всего, что в ней находилось — домкрата, инструментов, запасного колеса на легкосплавном диске, не таком, как установленные на машине, но в общем схожем настолько, что в движении разницы не было бы заметно. Перечислил и описал все повреждения. Оставил несколько строк для внесения данных о скрытых повреждениях (но скрытые повреждения, согласно сноске в акте, могли быть внесены только при согласовании со мной) и дал мне акт на подпись. После чего сначала подписал сам, потом позвонил май-

ору Оглоблину и договорился об утверждении акта.

При этом в акте никак не оговаривалась дальнейшая судьба спортивной машины. Мы даже поговорить на этот счет не успели, потому что мне позвонил диспетчер с вертолетной площадки и сообщил, что легкий вертолет «Bell 407» прибыл за мной и за старшим лейтенантом Аграриевым, который сдавал «Мустанг» вместе со мной.

Я попросил капитана Полуэктова разрешить добраться до вертолетной площадки на «Мустанге». Капитан согласился и сел с нами в машину с тем, чтобы потом отогнать ее в гараж, где команда автослесарей примет машину в работу и попытается сделать из нее что-то лицеприятное. На прощание я пролетел по военному городку как вихрь. До этого на таких скоростях я ездил только на учебном автодроме ФСО, обучаясь умению разворачиваться на месте с помощью дрифта. Здесь я словно бы пробовал, на что способна машина, с которой я расстаюсь, так и не успев к ней привыкнуть и сильно привязаться.

Что человек способен привязаться к автомобилю, я не сомневался. Пусть это и не душев-

ленный предмет, тем не менее привязывается же он к дому, в котором живет много лет, к городу или к родной деревне.

Точно так же обстоит дело и с автомобилем. Я помню, у нас в батальонном штабе был один капитан, который купил себе «Шевроле Ниву», и сначала ругался из-за долгого разгона и низкой скорости, но потом привык, оценил внедорожные качества машины и уже не желал менять ее даже на самую современную иномарку. Как он сам признавался, привязался, прикипел душой. Правда, потом этот капитан привязался к люстре и умер, но это другой вопрос.

У меня же просто еще не было времени, чтобы привязаться к «Мустангу». Оценить я его успел, и восторг некоторый почувствовал, особенно в начале разгона, когда сила рывка при наборе скорости вдавливают тебя в кресло. Но так, чтобы плохо себя без этой машины чувствовать — такого не было. Мне при этом казалось, что старший лейтенант Аграриев, который даже за руль ни разу не сел, привязался к «Мустангу» больше меня. По крайней мере, об этом говорил его взгляд, когда я уступил место за рулем капитану Полуэктову, а сам на-

правился на площадку, где стоял с открытым люком вертолет «Bell 407». Сначала Аграриев пошел со мной рядом, потом стал оборачиваться на «Мустанг» и в итоге оказался у меня за спиной.

Меня, признаться, слегка удивило, что Аграриев и наш начальник штаба майор Оглоблин прекрасно друг друга знают. Более того, они даже разговаривают на «ты». Я, конечно, помнил, что Оглоблин был когда-то командиром роты, в которой Аграриев командовал взводом. Но сам мой напарник словом не обмолвился о добрых отношениях с начальником штаба сводного отряда. И когда я высказал свое удивление вслух, сам майор сообщил:

— Мы с Анатолием когда-то в одном доме жили в военном городке. И жены у нас, скажем так, слегка в то время дружили.

Я знал, что в военных городках часто строятся типовые дома на две семьи — дом один, а входы разные, с противоположных торцов. Но Аграриев, когда у нас в оперативном отделе «Сектора «Эль» зашел разговор об Оглоблине, словом об этом не обмолвился. Таковы отношения между людьми в «Секторе «Эль», где превыше всего ставится умение хранить тайну как

собственную, так и чужую. И потому я, уловив, что Оглоблин назвал старшего лейтенанта по имени, понял, что это настоящее имя, но внимания на этом не заострил, словно бы и не заметил.

А вот имени неразговорчивого пилота вертолета я в прошлый с ним полет так и не узнал. И в этот раз не видел необходимости спрашивать. Если нужно будет, сам скажет. Судя по возрасту, пилот должен быть из старших офицеров. А меня служба отучила задавать лишние вопросы вообще. Тем более — старшим офицерам. Если задашь вопрос младшему по званию или равному себе, то ответ может прозвучать хотя бы по принципу элементарной человеческой вежливости и уважения к армейской субординации. А старший по званию уже имеет право вопрос просто проигнорировать и на вежливость ему по большому счету наплевать. Это тоже субординация, только с другого конца.

Тем не менее, завидев нас, пилот вертолета вышел из кабины и энергично шагнул нам навстречу, поздоровался за руку, но выглядел он, как мне показалось, еще более мрачно, чем в первый раз.

— Что ты с подполковником Саенковым не поделил, капитан? — спросил меня вертолетчик, как только мы поднялись в VIP-салон, где Аграриев восхищался удобством кресел.

— Я? С Валентином Валентиновичем? — переспросил я с откровенным удивлением, выходя из салона за рюкзаками. Пилот шел за мной, привязанный разговором. — Мы с ним давно уже, кстати, не встречались и даже не созванивались... Последний наш разговор был ночью, перед тем как вы меня в Моздок доставляли, товарищ... — я словно бы спрашивал звание. И даже без «словно бы» — спрашивал.

— Подполковник Сокуров, — представился вертолетчик, оправдывая мои ожидания относительно его звания.

— Товарищ подполковник, — повторил я. — А откуда у вас, разрешите спросить, такие сведения? Если они идут не с моей стороны, то, следовательно, могут идти только со стороны подполковника Саенкова.

— Подполковник Саенков у нас в управлении считается штатным хреновым шутником, — мрачно сообщил вертолетчик. — Хотя у нас он только прикомандирован на полгода из Московского областного управления и

скоро уже должен будет возвращаться домой. Когда он давал мне задание на повторную доставку вас в Моздок, то шутя сказал, что я имею право выбросить вас на половине пути и вернуться...

— Даже так... — я к подобной шутке отнесся вполне серьезно. Не менее серьезно, чем сам пилот вертолета. Но обеспокоенности своей не показал. А пилот объяснил свое настроение:

— Беда в том, что подобную же шутку подполковник Саенков выдал почти полгода назад, в самом начале своего пребывания здесь, когда на Ми-4 вывозили отдельную мобильную офицерскую группу. Тоже, кстати, в Моздок. Пять офицеров спецназа ГРУ, которые не поладили с Саенковым по какому-то вопросу. Подполковник тогда точно так же сказал пилотам. Вертолет в пути потерпел аварию и упал на склон хребта. Высота была небольшая, но приземлиться было невозможно. Места для приземления не нашлось. С хребта в пропасть летели. Потом тела по ДНК определяли. Но там уже от тел-то ничего не осталось. А экипаж опытный был. Лучшие, считай, вертолетчики нашего отряда. И что случилось с машиной, никто выяс-

нить не сумел. По склону хребта все по винтику разлетелось. Подполковник Саенков накаркал... Ладно, шуткам час, а работу делать все равно надо. Летим... В кабину сядешь, капитан, как в прошлый раз, со мной?

Я оглянулся на старшего лейтенанта Аграриева. Тот понял и согласно кивнул.

— Я пока вздремну в салоне. Глаза сами закрываются. Ночью на скале холодно было, я спать не мог. Все зарядкой грелся. А после зарядки совсем не уснешь...

Старший лейтенант забросил на одно плечо лямку своего рюкзака, на второе — лямки двух моих рюкзаков — с «Вампиром» и двумя оставшимися «выстрелами» для него, оставив мой персональный рюкзак мне, и полез в удобный салон. А я забрался на привычное уже кресло слева от пилота. Аграриев с помощью подполковника закрыл входной люк, пилот сел на свое место и завел двигатель.

— Меня тоже все в сон клонит, — сказал подполковник. — Давление стало подводить. Гипотония начинается, возрастная.

— Рановато, — посочувствовал я.

— Меньше чем через год думаю на пенсию отправиться. Буду молодежь учить.

Пока мрачный пилот не застегнул на горле ларингофон, он говорил слишком много. Мне так показалось, по крайней мере. Но впечатление о его мрачности и неразговорчивости сложилось еще во время первого совместного полета, когда он вообще больше молчал, разговаривая только по необходимости.

Переговоры с диспетчером много времени не заняли. Нам дали «чистое небо», и легкий вертолет стремительно стал набирать высоту. Еще во время первого полета до Моздока я понял, что горные пейзажи по курсу большей частью схожи и потому особого интереса не представляют. Поэтому за стекло своей прозрачной дверцы почти не смотрел.

Признаться, меня слегка озадачили слова пилота о том, что я якобы что-то не поделил с подполковником Саенковым. Вспомнилось, что и полковник Самокатова сказала мне, что я своей короткой очередью в голову следователя Халидова, когда две пули вошли в темя и через шею в тело, сорвал операцию ФСБ, которая готовилась восемь месяцев. То есть началá готовиться здесь же еще до приезда самого Саенкова. И готовилась, видимо, кем-то другим. Но разве есть моя вина в том, что так сло-

жились обстоятельства? Я ведь не в Халидова стрелял, а в человека, который мог вот-вот обнаружить, что за аварией скрывается ловушка. А это могло значить, что меня пристрелят. Тот же подполковник Халидов собственноручно сделал бы это с превеликим удовольствием. Но сам я не мог узнать Халидова в том положении, в каком находился. Да и машина была заполнена дымом. Не ради же Халидова я этот дым задумывал. Узнать человека в этой ситуации можно было бы, только обняв его, хотя и не обязательно дружески. А о том, что Халидов должен ехать в кортеже, меня никто не предупредил. А сам я узнать такое, естественно, не мог. Именно эта смерть следователя Следственного комитета могла стать причиной недовольствия подполковника Саенкова. Другой причины я не видел. Но и это тоже сильно меня не испугало. Так всегда бывает, когда делаешь свое дело — кому-то оно придется по душе, а кого-то твои действия могут и не устраивать. У каждой стороны обычно бывают собственные соображения о результате и собственный интерес в результате.

Однако объяснять все это пилоту вертолета я не посчитал необходимым. Тем более что он,

как и в первый наш полет, сидел с совершенно мрачным лицом и поджимал губы.

Задняя дверь, ведущая из кабины в салон, была открыта настежь и в таком положении зафиксирована защелкой. Я видел, как развалился в кресле, вытянув ноги, старший лейтенант Аграриев. Он и в самом деле сразу заснул. Умеет, видимо, как и я, как и все офицеры спецназа ГРУ, засыпать по собственному приказу, хотя почему-то не мог этого сделать на скале ночью. Видимо, правда, ночной горный холод мешал. Я, честно говоря, в настоящий момент спать не хотел. Но был уверен, что если понадобится, то дам себе приказ, и организм, привыкший приказам мозга подчиняться, сможет уснуть. Мысли о том, что в полете следует выспаться, меня посещали.

Однако что-то мне мешало. Я не сразу понял, что мешает подполковник Сокуров. Я не смотрел на него, но периферийным зрением уловил несколько движений, которых не должно было быть. Подполковник должен был держать только ручку управления, и все. Но он несколько раз подряд протягивал левую руку и щелкал какими-то тумблерами, хотя, по моему мнению, щелкать ими было незачем.